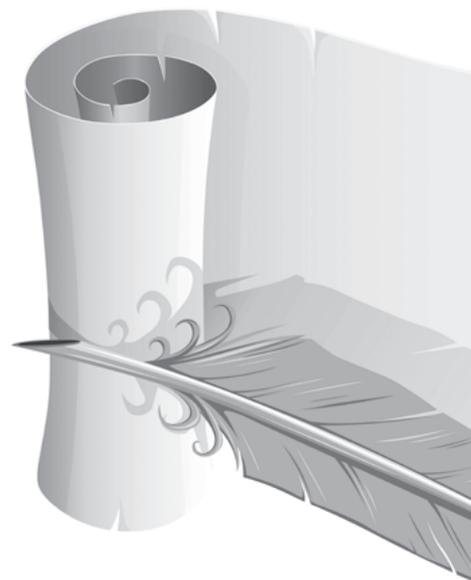

Михаил НОРДШТЕЙН

О себе

Родился в 1930 году в Белоруссии в семье бухгалтера. В 1934-м семья переехала в Подмоскowie. В поселке Красный Строитель (ныне поглощен столицей) прошли мои детство и юность. А отрочество обожгла война. Эвакуация в Горьковскую область, затем — в Ульяновск. Бомбежка в пути и все передраги, что выпадают на долю эвакуированных... И как безмерная радость — возвращение в 1944-м в наш подмосковный поселок, который я считал центром вселенной.

В 1952-м окончил Московский историко-архивный институт.

На вопрос при распределении «Куда хотели бы поехать!» географию места работы обозначил весьма спортивно: «Туда, где можно ходить на лыжах и переплывать какую-то реку». Направили к Енисею, дав прекрасную возможность его переплыть. Работал научным сотрудником в госархивах в Минусинске, затем — в Енисейске.

В 1953-м призван в армию. Окончив Хабаровское артиллерийское училище, стал артиллерийским командиром на Сахалине. Через пять лет, вдоволь настрелявшись, стал военным журналистом. Военную службу закончил в 1979-м начальником отдела боевой подготовки газеты «Во славу Родины» Белорусского военного округа в звании подполковника. Затем — работа военруком в школе, спецкором — в республиканской молодежной газете «Знамя юности», главным редактором — в еврейской газете «Авив» («Весна»).

В 1999-м в связи с тяжелой болезнью жены вынужден выехать в Германию. Остаюсь гражданином Республики Беларусь. Связей с Родиной не разрываю. Ежегодно бываю в Минске и Москве, где мои близкие и друзья.

Автор книги «Рубиконы» (в двух частях). Член Союза белорусских писателей.

У меня большая семья: жена, двое сыновей, четверо внуков и правнук.

СПАСИБО ТЕБЕ, ШТОРМ!

Эту бухточку между двумя бугристыми скальными изваяниями Павел с женой облю-

бовали еще в предыдущий приезд в курортный испанский городок Льорет-де-Мар. Хотя

до нее от их отеля было далеко — минут пятнадцать ходьбы, она привлекала своей

малолетностью, поскольку находилась в стороне от общего пляжа с его лежаками, передвижными туалетами, душами и прочими удобствами. Они назвали ее Дикой.

На этот раз их отпускной дуэт распался: Лариса недавно перенесла полостную операцию и была на строгой диете. Сказала решительно:

— В этом году воздержусь. А ты, Павлик, езжай. Зачем из-за меня терять такую возможность! Кто знает, что будет с нами через год.

Обоим уже за шестьдесят. Пенсионеры-москвичи. Павел, бывший командир мотострелкового батальона, теперь трудился в строительной фирме в отделе по закупке оборудования. Лариса, бывшая учительница химии, подрабатывала репетиторством, готовя абитуриентов к поступлению в вузы. Двое взрослых сыновей, трое внуков, трехкомнатная квартира, дача, машина... Словом, средний класс. Не роскошествовали, но могли себе позволить раз в году (обычно в сентябре) отправиться в Испанию.

...Море, неутомимый мессажер, усердно гладило прибрежный песок. Расслабленно лежа на циновке, накрытой одеяльцем, Павел завороченно смотрел, как пенистые гребешки небольших волн накатывают на песчаную гладь, словно смывая все земные тревоги и людскую суету. Под этот ритмичный шелест невольно думалось о вечном. И чего вы, люди, так и не научились уживаться друг с другом? Зависть, амбиции, бесконечные войны... Вам что, мало места на этой огромной и прекрасной

планете? Перестаньте дурить и радуйтесь жизни! С таким призывом к человечеству поднялся с циновки и перед очередным заплывом стал делать гимнастические упражнения.

Физкультурой и спортом занимался с юношеских лет. В армейские свои годы участвовал во всякого рода многоборьях, стал перворядником по лыжам. Правда, от спорта уже отошел, однако сохранил довольно крепкую, подтянутую фигуру.

После обеда и часового сна — снова на Дикую. Как говорила Лариса, от моря надо брать по максимуму. Но море уже было совершенно другим. Ласковые гребешки улыбчивых волн превратились в яростный оскал, изрыгающий грохот.

Возвращаться в отель Павлу не хотелось. Дошел до Дикой и сел на корму одного из катамаранов, тесно сдвинутых бортами. А бухточка действительно стала дикой, сразу же утратив свой благодушно-уютный вид. Солнце исчезло, осатаневшие валы несли на потемневший песок придонный мусор...

Рядом присел незнакомый мужчина примерно его возраста. Разговорились. Тоже россиянин, только из Пензы. Зовут Игорь. Сегодня вечером уезжает. Пришел проститься с морем.

— Хотел в последний раз искупаться, но, как видите, не повезло.

— Вообще-то искупаться можно, — оживился Павел. — Море — оно у берега больше свирепое. А там дальше, — махнул он ладонью, — плыть можно.

— Шутите, — не согласился Игорь — Посмотрите, что делается!

— Нет, не шучу. Опыт есть. Тут что главное? Главное — выбрать момент и поднырнуть под волну. А когда плывешь уже к берегу — преодолеть откат. Можно и нырком, а можно и обычным способом — только энергичнее руками! А коснетесь дна — как можно быстрее вперед! Иначе догонит волна и крепко шибанет.

Игорь усмехнулся:

— Чувствуется, здесь вы — большой теоретик.

— Не теоретик, а практик, — слегка обиделся Павел. Его уже охватил спортивный азарт.

— Сейчас докажу, — и стал снимать рубашку и шорты.

— Да перестаньте! — пытался остановить его Игорь. — Не делайте глупости!

Но Павел в одних плавках решительно зашагал к кромке берега. Впрочем, кромки как таковой уже не было. Вместо нее — бешеные наплывы кипящей пены.

«Ничего! — подбодрил себя Павел — Не впервой!»

И, едва войдя в море, нырнул в стремительно набегающий вал.

Вынырнул, сделал несколько гребков. И сразу же уверенность в себе сменила тревога. Шторм оказался совсем не таким, как тогда на Черном море, когда он еще старшим лейтенантом лихачил перед девушками... Там волны, хотя и внушительные, бросали верх-вниз. От этой крутой синусоиды захватывало дух. Качели! К ритмично взлетающим валам вполне можно было приноровиться. А тут они совсем другие. Он оказался

среди волн, не признающих никакого ритма. Бьют наотмашь, приходится набирать воздух только урывками...

Не проплыв и минуты, повернул назад.

Берег почти рядом. А Игорь куда-то исчез. Жаль. А так хотелось, выбравшись из этой клокочущей купели, сказать ему небрежно, но триумфально: «Как видите, я все-таки практик».

Участил гребки. Но откатная волна отбросила его. Еще попытка — и снова неудача. «Что это?» — метнулось в сознании. Такого с ним во время штормового купания в Черном море еще не было.

Силы на исходе. Справа от него — одна из сторон скального обрамления. У самого подножия — невысокий камень с довольно плоской, как ему показалась среди прыгающих волн, верхней гранью. Какой-никакой, но все-таки берег, самый к нему близкий. Пусть ребристо-колючее, но уже начало спасительной земли. А может, дерзнуть? Взобраться на камень, хорошенько передохнуть и, нырнув с этой скальной тумбочки, проплыть под водой до возделенной песчаной площадки. На глубине шторма нет. И в зрелые свои годы не раз проплывал в закрытом бассейне от стенки до стенки — двадцать пять метров. А тут не больше.

Но как забраться на эту тумбочку? Он ведь не дельфин, не выпрыгнет на нее. А у скалы волны свирепствовали особенно люто, взрываясь белой дробью осатанелых брызг. Шмякнет такая взрывчатка об эту твердь — и конец. Нет, сей вариант напрочь отпадает.

Тогда что ж... Тогда остается только одно: прорываться сквозь этот проклятый откат. Но как? Как?! Разве что резче, чаще работать руками и ногами. Уж чего-чего, а воли ему не занимать. Но руки стали как надломленные весла: сколько-то натужных гребков — и больше на них не рассчитывай. Сейчас бы лечь на спину, хотя бы на какие-то секунды расслабиться. Это пробовал. Волна так хлестнула сверху, что и рот, и нос не успели сдержать ее бурный натиск: хлебнул соленой воды.

Раздвигал руки в каком-то исступлении. Ну, еще рывок, еще! Но откат отшвырнул его и на этот раз.

На берег уже не смотрел: он только усиливал чувство безысходности. Вот уж поистине: близок локоть, да не укусишь. Резанула тоска. Это что же, прощай, жизнь? Да, когда-нибудь из нее придется уйти. Но чтобы вот так нелепо...

Чудес на свете не бывает. Расхожая истина. И вдруг она опрокинулась прикосновением руки к чему-то твердому. Буй! Желтый шар с коническим верхом. Откуда он взялся? Ведь цепочка буев на другой стороне. Значит, сорвало штормом. И надо же — прямо ему в руки и в самый, можно сказать, критический момент. Ухватился за него. Рукам стало уже легче. Вот и поверь после этого, что чудес не бывает!

Несмотря на неожиданную передышку, приходилось то и дело дергать головой, увертываясь от волн. И снова тот же вопрос: почему? Почему здесь и волны, и откат более свирепые, чем тогда на Черном море? Откуда такая

разница? Другой донный рельеф, другая сила ветра?

«А ты разве уже не другой? В двадцать пять лет молодецких силенок куда больше, чем в шестьдесят пять. Это ты учел? Ну, хватит сравнивать! — оборвал он взерошенные мысли. — Раньше надо было думать, до того, как вляпался в эту ситуацию. А сейчас думай только о том, как выбраться из нее».

Звать на помощь? Игоря по-прежнему не видно. А кто еще услышит его в этом штормовом реве? Махать рукой? Пляж обезлюдел. А если кто и увидит, то вряд ли бросится в кипящую пучину спасать. Тут и одному не справиться с волнами, а еще кого-то тащить — уже за гранью возможного. Так что же делать? Держась за буй, собрать силы и снова ринуться к берегу? Три попытки уже были, и все безуспешные. Правда, есть еще один шанс, можно сказать, последний: одолеть этот откатный барьер под водой, в глубинной тиши. А если не хватит дыхания? И тут же представил... До предела обессиленный, он вырывается на поверхность, а там уже никакой опоры, чтобы набраться сил: буй-то тью-тью! Ну, один раз ему повезло, а второго раза не будет. Снаряды в одну и ту же воронку не попадают. А с буем до берега уж никак не доберешься.

Но сколько же можно болтаться с ним в этой остервенелой сумятице? Ну, командир, решай! Так в трудные моменты жизни он иногда обращался к себе, оживляя бывшее командирское. А руки, жадно ухватившись за буй, теперь отчаянно молили: нет, нет!

Пока он мучительно размышлял, снова произошло невероятное: рядом вынырнула голова в маске, а через мгновение — вторая. Спасатели! А дальше он выключился из осмысленных действий. Под затылком почувствовал дощечку. Потом увидел: от нее — две веревки, за которые его поволокли к берегу. Удар волны на финише, и ноги коснулись песчаного дна. Резво поднялся и, вобрав в себя ощущение свободы после штормового плена, — быстро, быстро от очередного наката!

Потом к нему придет понимание, что истинная радость всегда в сравнении: после ливня — радуга, после жажды — стакан воды, после разлуки — встреча... Его молчаливая встреча с берегом была озарена таким внутренним светом, что все, к чему он здесь прикасался, что видел на берегу, стало бесконечно дорогим. И прежде всего — эти ребята. И ведь вовсе не атлеты, на лицах — никаких отпечатков отваги, железной воли, профессиональной значимости. Лица простодушно-мальчишеские, фигуры худощавые — явно не для героико-детективных фильмов.

На тротуаре перед спуском в бухточку толпились десятка два человек. Любопытные. Может, среди них был Игорь? Но Павел его запомнить не успел: слишком коротким было знакомство, да и видели они, сидя на катамаранах, друга лишь в профиль.

Пока он одевался, спасатели, сложив свою амуницию, о чем-то переговаривались, поглядывая на него. «Значит, так просто мы не

расстанемся, — догадался Павел. — Должен же у них после спасения быть какой-то протокольный ритуал». Эх, ребята, знал бы он испанский — без всяких протоколов высказал бы то, что рвалось из души.

Ему жестом: пойдете с нами! Идти далеко не пришлось. Комнатка спасателей — в одном из стандартных двухэтажных домов, плотной шеренгой составивших прибрежную улицу. Павла усадили за стол, дали лист бумаги. И снова жестами: вот здесь фамилия, здесь — подпись. Фамилию обозначил латынью, ниже — быстрым росчерком — поставил привычную закорючку. И только после этого в верхнем углу листка увидел цифру 37. Это что, штраф в евро за нарушение правил купания? А может, плата за услуги? Усмехнулся про себя: а что, услуги по высшей категории. И ведь не за что-нибудь. За спасение жизни. Только вот преискурант чересчур уж скромный. За спасение в шторм — всего лишь тридцать семь евро. А если бы в штиль — тогда еще дешевле!

Но тут же пригасил усмешку. Карманы его шорт абсолютно пусты. Подарки жене, сыновьям, внукам уже в чемодане, обратный авиабилет заказан еще в Москве по Интернету, а в самой белокаменной поезд для него бесплатный. Через два дня отъезд. В кошельке, оставленном в номере, осталось всего пять евро с какой-то мелочью. Не помчится же он в отель за этими крохами!

Показательно хлопнул по карманам, вывернул ладони: извините, гол как сокол.

Парни переглянулись. Один из них понимающе махнул рукой: да ладно, чего уж тут! Дело сделано, остальное — сущая ерунда. Именно так Павел расценил этот великодушный жест. «Спасибо» по-испански знал. Приложил руку к сердцу — и по словам с нажимом:

— Гра-си-ас!

Выйдя на улицу, о случившемся старался не думать. Но все равно думалось: слишком велико было потрясение. Чтобы хоть как-то вытащить себя из него, тихо запел:

В окопе плещется вода,
Шумят дожди осенние,
А он находится всегда
В отличном настроении...

С настроением, правда, было не столь гладко. Мучило сознание, что толком не отблагодарил своих спасителей. Ну, спасибо сказал, поклонился. И на этом все? Был бы он при хороших деньгах! Но чего нет, того нет.

Все-таки урезонил себя: ну, что ты еще мог в твоём положении? Перестань терзаться. В следующий сезон приедешь сюда. Непременно!

***

На другой день пришел к той же бухточке. Море уже присмирело. Волны, извиняясь за вчерашнее буйство, подобострастно лизали берег. Войдя в море, ладонями похлопал по поверхности. «Ну, здравствуй! Ты у нас сегодня вполне смиренное. Ценю».

Проплыв немного кролем, лег на спину. «Господи, как это здорово — отрешившись от всего суетного, смотреть в небо и не опасаться,

что тебя накроет сверху волной! И не надо думать об этих накатах-откатах...»

Перевернулся и, перейдя на брасс, плавными расслабленными гребками — за пределы бухты. Тут сотня-другая метров для него мало что значит. Однако заплывать дальше не стал. «Знай меру»!

На берегу присел на ту же корму катамарана. И хотя все вокруг виделось ему гармонично устоявшимся, лучезарным, в нем подспудно клоковало вчерашнее. Как же так получилось, что его пришлось спасать? И он учинил разбор полетов.

Ну, ладно был бы мало что понимающий в жизни юнец лет шестнадцати-семнадцати. Но ведь мужик уже на седьмом десятке! Это что, дурь стукнула? Именно так! А точнее, одно из ее слагаемых: гонор. Стал доказывать малознакомому человеку, какой он бывалый, смелый и умелый. Видите ли, уже купался в штормовом море.

Боже, сколько глупостей сходило ему с рук! В турпоходе прыгал с подвесного моста в воду между двумя камнями, опять же на виду у девушек. Высота этого зыбкого трамплина — метра три, а глубина заливчика под мостом — кто ее измерял? Правда, первым прыгал Володька, лейтенант из Северного флота, тоже тот еще лихач! Припомнил, как на спор переплывал Енисей с его сильным течением, скатывался на лыжах с крутых гор...

Молодость, молодость... Но ведь и в зрелые годы рисковал собой. В марте катался на лыжах по Москве-реке. Но лед уже подтаивал. Прова-

лился в полынью, откуда еле выбрался. Отделался простудой. А через год, тоже весной, у его ног шмякнулась огромная глыба льда. Разве не знал, что в апреле это бывает? Тогда почему шел так близко от домов? Да что тут перечислять! Элементарное разгильдяйство.

А ведь будучи командиром, о безопасности подчиненных заботился еще как! На учениях перед обкаткой танками проверял надежность траншеи, на себе показывал, как надо распластаться на ее дне перед наездом стальной машины, а когда она устремится дальше, мигом вскочить и метнуть в ее корму учебную гранату. На ночных маршах выдавал водителям сухари, чтобы не заснули за рулем. Словом, все, что можно предусмотреть, предусматривал, проверял, обеспечивал, бдел. За двадцать семь командирских лет среди его подчиненных — ни одного ЧП. Все его солдаты и сержанты после увольнения в запас возвращались домой живыми и здоровыми. А работая в фирме, придирчиво вникал в каждую мелочь предлагаемого оборудования: хорошо понимал, чем может обернуться на стройке даже малейший недосмотр.

«Так почему к своей особе такая небрежность? — вопрошал себя. — Или считаешь, что ты сам по себе, абсолютный распорядитель собственной жизни? Когда вознамерился продемонстрировать случайному собеседнику свое штормовое умельство, ты подумал о близких? А если бы не подвернулся буй, если бы не спасатели, тогда что?»

Представил, как в их квартире раздается телефонный звонок, жена снимает трубку, и как удар током: «Ваш муж утонул в Испании...» А потом подробности. За что ей хвататься — за валидол или снова за телефонную трубку: звонить сыновьям, заказывать срочный билет в Испанию, если тело его достали водолазы. Тело... В глазах Ларисы — ужас. И каково ей будет там, в этом испанском городке, некогда столь уютном для них, без языка, без знакомых, наедине с горем? А потом — не менее горькая дорога в Москву, ритуальные хлопоты, поминальные речи...

Ему стало страшно. «Мерзавец!» — хлестнул себя этим обличительно-обжигающим словом.

Долго смотрел на море. Вот к нему претензий нет. Буйное или спокойное, оно всегда было и будет таким, каким создал его Всевышний. Шторм вчера не просто основательно отхлестал его, а выбил дурь. Теперь все это никому не нужное рисковое удалство — вон! Жизнь бесценна. Для того и дана, чтобы употребить ее на добрые дела.

Тогда почему некоторые поэты просто не мыслят романтику без риска? Вспомнилось из Высоцкого:

И надо б свернуть, обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Но зачем альпинисты лезут на эти Эльбрусы, Эвересты и разные другие пики? Во имя чего рискуют жизнью? Чтобы потом сказать: «Я там был», «Я покорил!» А это и есть тщеславие —

перед другими, перед собой. Сколько их уже полегло на подступах к этим пикам! Нет уж, дорогие мои, если на его пути встретится «обрыв, опасный, как военная тропа», переть напролом он не будет — аккуратненько его обойдет.

* * *

До следующего сентября, когда они с женой снова приехали в Лорьет-де-Мар, его не покидало чувство вины перед своими спасителями. Это как зубная боль: то на время чуть отпустит, то снова накатит. Весь этот год откладывал деньги — в подарок им. Ларисе о том случае так ничего и не рассказал: не хотел ее волновать. И в первый же день их прибытия в Испанию, уже на Дикой, Павел заметил как бы между прочим:

— В прошлом году познакомился тут с двумя хорошими ребятами. Неподалеку отсюда работают. Схожу-ка на полчаса, навещу их. Если немного задержусь, ты не волнуйся.

— А что за ребята? — поинтересовалась Лариса.

— Потом, потом расскажу. Ну, я пошел.

...Комната спасателей закрыта. Значит, где-нибудь на пляже. Но где их там найдешь, если он длиной почти с километр и на нем тысячи людей? Растерянно смотрел на длинную песчаную полосу, пологой подковой примкнувшую к морю.

Подошел к киоску с мороженым и напитками напротив «резиденции» спасателей. Может, продавщица знакома с ними? Ведь их рабочие места рядом. Ему повезло: русский она немного пони-

мала. «Наверное, полька или чешка», — предположил Павел.

Друг друга они поняли. Да, друг знает. Сейчас они работают на другом конце пляжа. Там у них будка. Вышла из киоска, показала: во-он там! Зовут Эрик и Марси.

Хотел сразу же направиться туда. Однако подумал: а как же говорить с ними? В таком деле без переводчика не обойтись. Значит, начнем с него. Но куда двинуть?

Подсказала память. По дороге к морю напротив набережной на входной двери одного из многоэтажных строений еще пару лет назад увидел на русском языке: «Продажа недвижимости». Ага, русская фирма. Уж там-то переводчика найдет.

Вошел, поздоровался и сразу же — к светловолосой девушке, сидящей за компьютером.

— Извините, что отрываю вас от дела. Есть одна просьба...

Девушка слушала внимательно, даже, как ему показалось, заинтересованно.

— Так у вас найдется минут тридцать-сорок, чтобы помочь мне с переводом?

— Если надо, найдется и побольше. Уж очень случай необычный.

Павел просиял.

— В долгу не останусь.

— Я на этом не настаиваю. — Взглянула на часы: — Когда пойдем?

— Желательно бы не откладывать.

По дороге познакомились поближе. Катя Максимова. В Испании уже четыре года. В Омске закончила иняз.

— Скучаете по России?

— Да как сказать?.. Родина — она, конечно, всегда родина. Но сами понимаете: без причины в другую страну не уезжают.

Дальше расспрашивать не стал. Зачем лезть в чужую жизнь?

Будку спасателей нашли быстро. Но тех ребят там не было. Стоявший у открытой двери мужчина средних лет, их коллега, пояснил: Марси — в отпуске, а Эрик — на вышке. Пока Катя переводила, Павел уже засек там фигуру с биноклем.

Подошли, окликнули. Парень спустился с лестницы, в глазах — недоумение: что за визитеры? И вдруг широко улыбнулся. Узнал! Оба стремительно протянули друг другу руки. И все то, что Павел носил в себе с того сентябрьского дня прошлого года, выплеснулось в его прерывистом монологе. Катя едва успевала переводить.

Протянул Эрику конверт с крупными купюрами. Тот отмахнулся и выразительно покачал головой.

— Катя, переведите! Во-первых, этот мой скромный подарок не только ему, но и Марси. А во-вторых... Как бы это поточнее сказать... Конечно же, никакими деньгами человеческую жизнь не оценишь, а значит, и спасение тоже. Так что эти деньги — всего лишь символ благодарности. Если он их не возьмет, душе моей будет плохо. Очень плохо! Убедите его, Катя, и от себя!

Говорила она уже медленнее, подкрепляя свою речь жестами. Чувствовалось — настойчиво втолковывала.

Эрик задумался. Потом понятливо кивнул головой и конверт взял. Павел как бы вдогонку сказал:

— От всей души!

Порывисто обнялись.

Проводив Катю до ее фирмы, вручил и ей денежку.

— Считайте это подарком к вашему ближайшему дню рождения. Имею же я право делать подарки тому, кому мне хочется!

Она засмеялась.

— Логика у вас неотразимая.

К Дикой шел с ощущением душевной приподнятости, которого давно уже не испытывал. Наконец-то сбросил груз, что носил целый год. Свершилось. С Эриком и Марси он вряд ли еще когда-нибудь встретится, но они уже вошли в его жизнь, спасенную ими, наполнив ее светом добра. Теперь что ему остается? Остается делать добро другим. Вечная эстафета, на которой и держится этот мир со всеми его темными пятнами.

От философских мыслей перешел к обыденным. Подсадовал: надо было бы спросить у Эрика, с чего началось его спасение. Кто первым поднял тревогу по поводу про-

исходившего тогда в бухточке? Уж не Игорь ли? А что, вполне возможно. Тогда спасительная цепочка удлинится: Игорь, буй, Эрик и Марси. Случайности?

И тут его осенило: нет, не случайности. Это Всевышний протянул ему руку.

В Бога он и до этого верил. Только вот редко к нему обращался. Будни заслоняли. Но теперь все будет по-другому.

Лариса, привстав с циновки, окинула его внимательным взглядом.

— Что-то долго ты общался со своими приятелями. Что за срочность такая?

— Особой срочности, может, и не было, но хотелось увидеться. Ты же знаешь: ничего не люблю откладывать. Об этих ребятах потом расскажу. Потом... А сейчас давай-ка искупнемся. Сама ведь говорила: от моря надо брать по максимуму.

Вечером, как обычно, они гуляли по набережной. Остановились перед небольшой выставкой, возле которой толпились прохожие. Художник продавал свои творения — морские пейзажи.

— Смотри-ка... — Павел тронул жену за руку. — Наша Дикая.

Лариса всмотрелась.

— Надо же... Но тут море бурное, а мы с тобой в нашей бухточке такого не видели.

— А я видел. — Павел на несколько мгновений задумался. — В прошлом году. Так покупаем?

— Ну... поскольку место для нас памятное, доставай кошелек.

* * *

После возвращения из Испании Павел приклеил к нижней рамке картины полоску бумаги с надписью фломастером: «Спасибо тебе, шторм!»

— Что за странная благодарность? — ткнула Лариса пальцем в надпись.

Тогда он и раскололся. Рассказывал без драматизма, даже с иронией, словно о каком-то приключении.

Жена слушала молча, изредка вставляя неопределенное:

— Н-да...

Вслушав до конца, так же молча вышла в соседнюю комнату. Вернулась с листком, на котором написала уже авторучкой: «Дураков надо учить!» Кнопками прикрепила там же.

Павел не возражал.

Беларусь — Германия

